Рецензии

Тимур Ю. Бочаров
Европейский Университет в Санкт-Петербурге, Россия

Полицейский контроль и исчезающее сообщество в гетто

Рецензия на книгу: Goffman A. (2014) On the Run: Fugitive Life in an American City. The University of Chicago Press

Книга Элис Гоффман «В бегах: жизнь скрывающегося от правосудия в американском городе» произвела в 2014 году настоящий фурор как в социологическом сообществе, так и среди массового читателя[1]. Во многом такой успех связан с контекстом выхода книги, когда проблема полицейского насилия в отношении чернокожих молодых людей начинает широко обсуждаться. Гоффман предлагает «близкое к земле» описание этой проблемы на основе своего шестилетнего включенного наблюдения в одном из «черных» кварталов Филадельфии. Однако связывать популярность книги лишь

Бочаров Тимур Юрьевич — LLM, Университет Манчестера (программа в Московской высшей школе социальных и экономических наук), MA in Sociology, Европейский Университет в Санкт-Петербурге, младший научный сотрудник Института проблем правоприменения при Европейском Университете в Санкт-Петербурге. Научные интересы: социология права, социология повседневности, сравнительное частное право, гражданский и арбитражный процесс. E-mail: tbocharov@eu.spb.ru

Timur Yu. Bocharov — LLM, University of Manchester (program at Moscow School of Social and Economic Sciences), MA in Sociology, European University at St. Petersburg, Junior researcher, Institute for the Rule of Law of the European University at Saint-Petersburg. Reserch interests: Sociology of Law, Sociology of Everyday Life, Comparative Private Law, Civil Procedure. E-mail: tbocharov@eu.spb.ru

1 Свидетельством успеха этой работы далеко за пределами академического мира может служить публичное выступление Элис Гоффман в рамках TED-talk (https: //www.ted.com/talks/alice_goffman_college_or_prison_two_destinies_one_blatant_injustice? language=ru)

с удачным попаданием в конъюнктуру было бы ошибкой. «В бегах» заслуживает внимательного прочтения прежде всего как оригинальное исследование в жанре городской этнографии.

Сейчас уже мало кто пишет социологические тексты в таком духе: выстраивая историю со своей завязкой, кульминацией и развязкой, с центральными и второстепенными персонажами, доступным английским языком и почти без использования категорий второго порядка. Зыбкость границ между социологией и литературой в этой книге подчеркивает наличие наряду с академическим предисловием и заключением также пролога и эпилога — признаков художественного произведения. Если подбирать какие-то аналогии, то первое, что приходит на ум, — это работы Чикагской школы, а также микросоциология Эрвина Гоффмана, чьей дочерью является автор книги. Сама Элис Гоффман не скрывала, что черпала вдохновение из этих источников, в частности, все тексты отца она прочитала еще до поступления в колледж.

Тем не менее, несмотря на сильную этнографическую составляющую, книга не распадается на множество занятных виньеток (хотя и им там находится место), а всегда пытается выдержать заявленный фокус и показать влияние практик полицейского контроля на жизнь обитателей гетто. Поэтому читатель, рассчитывающий узнать больше о преступном мире гетто, вряд ли будет удовлетворен. Мы почти ничего не узнаем из книги о том, что значит быть гангстером: как надо одеваться, разговаривать, торговать крэком, воевать с конкурирующими бандами и т. п. Этот мир описан в книге лишь по касательной в ситуациях его столкновения с институтами американского правосудия, т. е. исследование Гоффман находится на стыке социологии городских сообществ и социологии права. Кроме того, «В бегах» в качестве своего объекта затрагивает не только молодых гангстеров, а более широкий круг участников. Описание в книге продвигается по модели концентрических кругов в зависимости от степени влияния полицейских практик на тех или иных акторов. В центральном внутреннем круге находятся сами наркодилеры, перманентно находящиеся в розыске или освобожденные условно-досрочно — их жизнь нестабильна и полностью обусловлена полицейским контролем. Далее мы обнаружим их родственников и близких, которые также попадают в орбиту полицейского насилия. В следующем круге будут те обитатели гетто, которые извлекают из ситуации полицейского контроля прибыль, оказывая различные услуги скрывающимся от правосудия. Наконец, в самом внешнем круге окажутся жители квартала, которые не желают вовлекаться в преступную активность и иметь дело с полицией, но вынуждены прилагать для этого усилия. В конечном счете под влиянием полицейского и пенитенциарного контроля

трансформируется жизнь всего гетто, что является связующей идеей книги.

В первой главе книги «Парни с 6-й улицы и их правовые затруднения» мы знакомимся с основными героями книги: Чаком, Майком и Алексом, молодыми чернокожими жителями «6-й улицы» (имена и названия улиц вымышлены для обеспечения анонимности). Несмотря на то что они выросли в семьях разного достатка и социального положения (например, Чак воспитывался наркозависимой матерью-одиночкой, тогда как отец Алекса имел небольшой бизнес), все они к двадцати годам имели примерно одинаковые проблемы с законом. К ним можно отнести опыт пребывания в коррекционных центрах для несовершеннолетних, реальное тюремное заключение, судимость, жизнь в статусе условно осужденного (probation), условно-досрочно освобожденного (parole), выписанный ордер на арест (arrest warrant) или на привод в суд (bench warrant), нахождение в учреждениях для реабилитации бывших заключенных, так называемых домах на полпути (halfway house).

Все эти юридические механизмы выстраивают рамки повседневной жизни молодежи в гетто: ограничения, связанные с нахождением на улице после определенного часа или вне определенного места, распитием спиртного или курением марихуаны, опозданием к комендантскому часу в «дом на полпути». Эти незначительные на первый взгляд проступки в случае фиксации полицией могут обернуться многолетними тюремными сроками[1]. Если сначала Гоффман такое существование казалось чем-то из ряда вон выходящим, по мере погружения в поле она начала сознавать, что в таком подвешенном состоянии между тюрьмой и гетто живет большая часть молодежи 6-й улицы.

«Нормальность» такого состояния достигается за счет различного рода практик избегания полиции, которым в гетто начинают учиться с подросткового возраста, о чем речь идет во второй главе под названием «Искусство убегать». Самая очевидная способность в этом ряду заключается в умении издалека распознавать полицейского в штатском. Другой навык состоит собственно в том, чтобы успешно

1 Широкий спектр условных и промежуточных наказаний взамен реального лишения свободы стал применяться в США со второй половины XX века во многом как способ разгрузить переполненные тюрьмы. При этом соблюдение условий таких наказаний начинает в последнее время все жестче контролироваться полицией: создаются подразделения, которые занимаются только этими вопросам, внедряются электронные механизмы контроля и т. д. В книге Гоффман эти вопросы кратко освещаются для того, чтобы показать контекст, в котором существуют ее информанты, — любое задержание полицейским чревато огромным сроком.

убежать от полицейских, после того как они остановили подозреваемого для проверки. В большинстве случаев такие остановки не имеют под собой заранее выдвинутого обвинения или ориентировки, полицейские могут не знать, кого они останавливают; «останови и обыщи» — это довольно распространенная тактика американских патрульных. Однако чернокожий, остановленный для такой рутинной проверки, инстинктивно стремится бежать, так как не всегда помнит или знает список выписанных в отношении него ордеров, предписаний или штрафов. Как пишет Гоффман, такое решение часто позволяет убегающему, пусть временно, но избежать тюремного заключения — из 41 случая наблюдаемых ею погонь в 24 случаях полицейским не удалось догнать преследуемых, потому что они лучше ориентируются в закоулках родного квартала.

Другая стратегия — избегание мест вероятного задержания, что означает невозможность прийти к другу на суд, навестить раненого в больнице или посетить похороны. Например, исследование Гоффман показало, что имена регистрируемых посетителей часто передаются полиции персоналом больницы. Это также подразумевает необходимость держаться подальше от домов родных или близких, так как дом матери или девушки — первое место, куда придет полиция. Поэтому намеренно вырабатывается непредсказуемость образа жизни: ночевки в разных местах, отсутствие распорядка дня, постоянных мест отдыха и т. д. Отчасти это объясняет то, почему главные герои книги так часто «зависали» (hangout) у Элис — это было наименее вероятное место, куда могла нагрянуть полиция.

Что происходит в том случае, когда полиция приходит в поисках подозреваемого к его родственникам и знакомым, описывается в главе «Когда полиция стучится в вашу дверь». В этой главе речь преимущественно идет о женщинах, в которых полиция видит наиболее уязвимое звено и пытается склонить к сотрудничеству. В этом случае есть два типичных варианта действий: либо выдать разыскиваемого человека и прослыть в сообществе доносчицей (snitch), либо «пойти в отказ», выгораживать до последнего (to ride) и заслужить уважение. Такова моральная идеология гетто, но Гоффман показывает, что реальность сложнее этой черно-белой картины. С мужской стороны может казаться, что это простой вопрос выбора между лояльностью и предательством, но проблема в том, что под влиянием полиции моральная перспектива, из которой женщина видит ситуацию, меняется. Как пишет Гоффман: «Техники, которые они [полиция] используют для того, чтобы добиться ее сотрудничества, переворачивают ее базовые представления о себе и значимых других с ног на голову. Она узнает, что ее дом и дети не защищены, равно как и другие люди, которые ей дороги. Она начинает видеть свою повседневную жизнь как почти бесконечную череду преступлений,

за которые она может быть арестована в любой момент, когда полиция сочтет нужным. Она узнает, что мужчине, которого она любит, наплевать на нее, и начинает видеть отношения с ним как грязные, постыдные и заслуживающие презрения». В этом свете кооперация с полицией перестает выглядеть предательством, хотя мужской частью сообщества это будет трактоваться именно так. Одним из эффектов полицейского контроля становится нарастающее недоверие между молодыми мужчинами гетто, с одной стороны, их девушками и матерями — с другой.

Хотя полицейские практики рассматриваются в гетто как неизбежное зло, его обитатели в некоторых случаях искусно используют их себе во благо. Как показал Эрвин Гоффман в своей книге «Убежища», даже в таком учреждении, как психиатрическая больница, обитатели постепенно приспосабливают систему под свои нужды, он называет такие адаптационные практики «вторичным приспосабливанием» (secondary adjustment) к тотальным институтам [Goffman, 1961, p. 171-321]. Хотя Элис Гоффман прямо не обращается к этой терминологии (ее книга почти лишена социологических концептов, как ее собственных, так и чужих), в этих главах она описывает феномены того же порядка. В гетто приспосабливание характерно как для самих преследуемых полицией — об этом речь идет в главе «Обращение проблем с законом в личные ресурсы», так и для сторонних людей, предлагающих им свои мелкие услуги, — эта тема затронута в главе «Рынок протекций и привилегий».

В первом случае институты уголовного преследования начинают использоваться объектами такого преследования не с той целью, с которой они были задуманы: тюрьма становится местом, где можно переждать опасные перемены на улицах; депозит, куда вносится залог за обвиняемого, становится заместителем банковского счета и т. д. Например, когда началась война между молодежными бандами 4-й и 6-й улиц в условиях численного превосходства первой, многие парни с 6-й улицы начали совершать мелкие преступления, не особо скрываясь от полиции. Это позволило им пережить пик конфликта в тюрьме и не быть убитым в уличной перестрелке.

Во втором случае, когда речь идет о рынке привилегий, выгоду из ситуации извлекают уже посторонние люди, сбывающие товары или оказывающие услуги, в которых нуждаются попавшие под полицейский контроль. В этой главе также видно сильное влияние работ Эрвина Гоффмана, но на этот раз скорее стилистическое — она написана с большой долей иронии. Как показали в своей статье Гэри Файн и Даниель Мартини, ирония наряду с сарказмом и сатирой была одним из основных риторических приемов в текстах Гоффмана, важной составной частью его уникальной манеры преподносить читателю эмпирический материал [Fine, Martin, 1990]. В главе

«Рынок протекций и привилегий» книги Элис Гоффман уже сам подбор кейсов вписывается в эту манеру. Так, в качестве примера активности на этом рынке приводится, например, продажа «чистой» (без примеси наркотических веществ) мочи тем, кто находится на условном сроке и обязан регулярно сдавать тест на наркотики. Другим примером являются услуги, которые оказывал мальчик, умеющий хорошо воспроизводить чужие голоса. За небольшую плату он отвечал на телефонные звонки офицера, контролирующего условно осужденных (probation officer), голосом подконтрольного. Это позволяло последнему обходить запрет на нахождение вне дома в ночное время, одно из типичных требований при назначении условного срока.

Между этими «гоффманианскими» главами довольно неожиданно помещается наиболее конвенционально-социологическая глава, которая называется «Социальная жизнь криминализированной молодежи». Данная глава призвана показать процесс социализации чернокожего подростка, в рамках которого он быстро движется от школьной скамьи к скамье подсудимых. В этом движении все социально значимые события начинают прочно связываться с уголовной системой: матери посещают не баскетбольные матчи с участием сына, а судебные слушания, свидания с девушкой происходят чаще в тюрьме, чем в кафе и т. д. Подобные события могут быть основой для социальных связей: они часто служат проявлением любви, уважения, привязанности, и даже своеобразной чести. Основной вывод, который делает Гоффман в этой главе, неутешителен — черная молодежь, попадая в раннем возрасте в систему уголовного преследования, уже не ощущает себя в силах контролировать или планировать свою собственную жизнь. Чего недостает этой главе, так это подробного эмпирического материала, который бы иллюстрировал данный тезис. Какова роль школы в криминализации жизни подростка из гетто? Как работает ювенальная юстиция с юными правонарушителями? Эти и подобные вопросы не раскрываются в главе, хотя сильно обогатили бы описание[1].

В заключительной восьмой главе «Чистые люди» предлагается для сравнения описание жизни обитателей гетто разного возраста, пытающихся избегать криминальных практик и столкновений с полицией. Достигается этой ценой определенных усилий: ограничением контактов с «запачканными» родственниками

1 В определенной степени эти пробелы закрывает книга Кэтрин Нолан, основанная на глубинных интервью в одной из школ Бронкса. См. Nolan K. (2011). *Police in the Hallways: Discipline in an Urban High School.* University of Minnesota Press.

или знакомыми, преимущественно домашним образом жизни, воздержанием от употребления наркотиков и т. д. Скажем, компания молодых людей, с которой продолжительно общалась Гоффман ближе к концу исследования, проводила время дома за видеоиграми и пивом, из уличных развлечений предпочитая разве что гонки на старых европейских автомобилях. Все их общение с локальными гангстерами ограничивалось коротким приветствием при встрече. Что случается, если пытаться одновременно пребывать в двух мирах, «чистом» и «грязном», показывает пример Джоша. Молодой черный парень имел престижную работу в фармацевтической компании, но при этом поддерживал контакты со старыми друзьями детства, занимающимися наркоторговлей. При досмотре машины, в которой он просто находился с друзьями, был обнаружен кокаин. В итоге он получил условный срок, что обернулось потерей места и двухлетним пребыванием в статусе безработного. В конце концов Джош нашел работу, но покинул квартал и почти прекратил общение с друзьями детства.

Если попытаться обобщить главное, что нам говорит книга Гоффман посредством этнографических описаний, то это тезис о нарастающем процессе распада сообщества в гетто. При этом основным фактором, способствующим процессу, является разветвленная система полицейского и пенитенциарного контроля. Лоик Вакан обозначает этот симбиоз тюрьмы и гетто неологизмом «тюрьманизация» (prisonization) гетто [Wacquant, 2001]. Находясь в подвешенном юридическом состоянии (в статусе условно осужденного или условно освобожденного, имея выписанные ордеры на приводы или аресты), обитатель гетто перестает доверять родственникам и близким, сводит к минимуму пребывание в родном доме, избегает посещения социально значимых для сообщества мероприятий, например, похорон. Все это разительно отличается от социологического определения гетто начала XX века, которое давал один из основоположников Чикагской школы Луис Вирт: «Гетто — это культурное сообщество, которое выражает общее наследие, хранилище общих традиций и чувств» [Wirth, 1969, p. 289]. Традиционное гетто в США, будь оно еврейское, итальянское или черное, всегда выглядело, если пользоваться терминологией Фердинанда Тенниса, островком Gemeinschaft в Gesellschaft-ном мире мегаполиса. Однако сейчас ситуация меняется, как показывает книга Гоффман, признаки сплоченного сообщества постепенно исчезают из жизни гетто под влиянием системы полицейского и пенитенциарного контроля. Термин «fugitive» в названии книги очень удачно передает смысл этого процесса: с одной стороны, «fugitive» имеет чисто юридические коннотации — находящийся

в бегах, беглый (преступник), с другой стороны — нечто ускользающее, испаряющееся.

Тем не менее в исследовании Гоффман не хватает одного важного аспекта — в книге лишь пунктиром описана повседневная работа полиции, их ценности, практики взаимодействия с населением гетто. Даже в ситуациях, когда описаны столкновения молодых чернокожих с полицией — изъятия наркотиков, обыск в доме или преследование убегающих, — мы мало что узнаем о поведении полиции во время этих рейдов. Единственное подробное описание касается обыска в одном из домов гетто, где находилась в это время сама Гоффман. Она дотошно описывает внешность ворвавшихся полицейских и перечисляет все насильственные практики, которые они предприняли в отношении нее: положили лицом в пол, намеренно наступили на запястье и т. д., вплоть до материала защелкнутых наручников. Хотя это описание позволяет нам эмоционально вовлечься в ситуацию, оно мало что говорит о смысле самих полицейских практик: насколько они типичны, в каких случаях используются, какую цель преследуют и т. д. В итоге полиция предстает в книге как некая обезличенная система подавления в отличие от довольно сложно организованного социального мира гетто.

Такой подход, при котором полиция оставалась фигурой умолчания, был бы оправдан, если бы книга концентрировалась только на обитателях гетто. Но поскольку предметом является влияние полицейских практик на жизнь в гетто, более подробного эмпирического материала о полиции (в книге несколько интервью с полицейскими, против шести лет включенного наблюдения за обитателями гетто) явно недостает. Дело в том, что не только гетто трансформируется, но также сама полиция и ее практики работы претерпели существенные изменения. Как описывал Эгон Биттнер в своей классической статье о полицейских в неблагополучном районе (skid row) в 1960-х годах, их работа сводилась преимущественно к «поддержанию мира», что означало личное знакомство с обитателями квартала и широкую дискрецию — полицейский старался не применять арест или другие жесткие меры, если цель обеспечения порядка могла быть успешно достигнута иными способами [Bittner, 1967].

После объявленной в США широкомасштабной «войны с наркотиками» ситуация изменилась. Хорошей иллюстраций этих процессов является третий сезон сериала HBO «Прослушка» («The Wire»), без преувеличения одного из лучших «учебников» по этнографии современного гетто[1]. В центре сюжета попытки майора Колвина, ко-

1 Академические курсы, полностью построенные на этом сериале, читались в разное время в таких престижных американских университетах,

торому оставалось немного до пенсии, а потому нечего было терять, обеспечить мир на улицах Западного округа Балтимора. Он вытеснил всех наркодилеров в три малозаселенных района («Хамстердам») и предоставил им там возможность мирной торговли. Однако это вызвало недовольство и противодействие со стороны молодых полицейских его отдела, которые привыкли к тактике «останови и обыщи» и видели в этом смысл работы полицейского. Это расхождение в подходах майор Колвин весьма эмоционально выразил в сцене разговора с молодым сержантом в 10-й серии: «Как только нечто называют войной, так очень скоро все начинают вести себя как на войне. Бегают вокруг так, как будто это чертов крестовый поход, штурмуют углы, защелкивают наручники, укладывают трупы штабелями. А когда ты на войне, тебе нужен гребаный враг. И совсем скоро почти каждый на каждом углу становится твоим врагом и вскоре квартал, где ты, предполагается, обеспечиваешь порядок, просто превращается в оккупированную территорию. <...> Я считаю, что быть солдатом и быть полицейским — это разные вещи. И до того, как мы свернули не туда и начали эти игры в войну, коп занимался патрулированием и знал свой район. <...>

У тебя могут быть статистические показатели, аресты, изъятия. Но ничего из этого не имеет значения, когда мы говорим об охране порядка в районе, ведь так? Знаешь, что самое худшее в этой так называемой войне с наркотиками, как мне кажется? Она уничтожила нашу работу». К сожалению, все эти моменты, несмотря на их важность для рассматриваемой Гоффман проблемы, освещены в книге незначительно.

Книга имела резонанс в американском академическом мире. Самое примечательное, что наиболее ожесточенные дискуссии развернулись не в отношении содержательной части, т. е. всего описанного выше, а по методологическому аппендиксу в конце книги. Подобные приложения являются довольно распространенной конвенцией для книг по городской этнографии. Например, такой развернутый аппендикс есть в классическом исследовании Уильяма Уайта о «сообществе на углу улицы» (одной из итальянских банд Бостона), где он описывает свой личный бэкграунд, социологическую подготовку, доступ в поле, взаимоотношения с исследуемой группой, выход из поля и т. д. [White, 1993, p. 279-374]. Хотя все эти темы затрагиваются и в аппендиксе Гоффман, он сильно отличается: если заметки Уайта просто довольно живо излагают обстоятельства исследования, но соблюдая дистанцию, то текст Гоффман содержит

как Гарвардский, Джона Хопкинса, Калифорнийский в Беркли, Дьюка, Ратгерский, а также в Университете Йорка (Великобритания).

очень высокий уровень рефлексии. Это открытость при описании некоторых событий послужила поводом для критики за излишнюю вовлеченность в поле и вытекающую из нее потерю научной объективности. Например, это касалось описания ею событий и чувств после убийства Чака, одного из главных героев книги, когда она вместе с остальными членами компании объезжала кварталы в поисках убийцы в надежде отомстить. Эта критика бьет мимо цели, так как основная ценность аппендикса не в придании всему описанию налета объективности, скорее даже наоборот. Текст носит интерактивный характер, помогая читателю лучше понять, как могут восприниматься события, происходящие в криминализированном черном гетто, человеком, казалось бы, максимально далеким от этого мира — белой женщиной из среднего класса.

Библиография/References

Bittner E. (1967) The police on skid-row: A study of peace keeping. *American Sociological Review*: 699-715.

Fine G. A., Daniel D. M. (1990) A Partisan View: Sarcasm, Satire, and Irony as Voices in Erving Goffman's Asylums. *Journal of Contemporary Ethnography,* 19 (1): 89.

Goffman E. (1961) *Asylums.* Harmondsworth, Middlesex: Penguin.

Wacquant L. (2001) Deadly symbiosis when ghetto and prison meet and mesh. *Punishment and Society,* 3 (1): 95-133.

Whyte W. (1993) *Street Corner Society: The Social Structure of an Italian Slum*. University of Chicago Press.

Wirth L. (1969) *The Ghetto.* The University of Chicago Press.

Рекомендация для цитирования/For citations:

Бочаров Т. (2016) Полицейский контроль и исчезающее сообщество в гетто. Рецензия на книгу: Goffman A. On the run: fugitive life in an American city. The University of Chicago Press, 2014. *Социология власти*, 28 (3): 266-275.

Bocharov T. (2016) Police Control and Fleeting Community in Ghetto. Review: Goffman A. On the Run: Fugitive Life in an American City. The University of Chicago Press, 2014. *Sociology of power*, 28 (3): 266-275.